УДК 811.161'276

КАРНАВАЛЬНАЯ РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ АРГО КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ СЛЕНГА

© 2010 г.

В.А. Саляев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

salyaev@nm.ru

Поступила в редакцию 15.02.2010

Рассматриваются особенности функционирования закрытых словесных комплексов, в частности, арго и тех культовых вокабуляров, которые стали основой инвективного лексикона. Анализируются этические, культорологические и лингвистистические факторы, обусловившие карнавальную разгерметизицию арго, которая привела к качественному преобразованию просторечия и к формированию открытого словесного комплекса – сленга.

Ключевые слова: социолингвистика, социальные диалекты, арго, сленг, жаргон, просторечие, инвективная лексика, карнавал.

Начальный этап формирования русского сленга как особой подструктуры внутри ненормативного городского просторечия приходится на 1920–30-е годы. Важной предпосылкой зарождения новой функциональной страты становится разгерметизация арго, которая выражается, кроме всего, в том, что большое число арготизмов переходит в общий обиход и осваивается просторечием, способствуя качественному его преобразованию. Мы попытаемся доказать, что этот процесс обусловливается не только действием конкретно-исторических экстралингвистических (политических, экономических, демографических, культурных) факторов, но и является отражением карнавальных традиций и форм речевого поведения, сложившихся ещё на заре человеческой цивилизации и развитых во времена античности и Средневековья.

В контексте наших рассуждений арго, традиционно (хотя и не всегда корректно) называемое тайным, или условным, языком, выступает как ограниченный в своем функционировании социолект, представляющий собой герметичный словесный комплекс и служащий в качестве эзотерического средства общения. Он используется в закрытых, изолированных, зачастую антисоциальных группах с криптофорными целями. Сленг в противоположность тайному языку не является социально ограниченным, тем более герметичным словесным комплексом и не выполняет криптофорной функции, но тем не менее оказывается генетически связанным с арго. Под сленгом понимается субстандартная подсистема, занимающая промежуточное положение между социолектами и ненормативным городским просторечием и представленная преимущественно лексико-фразеологическими единицами, некогда бывшими достоянием ограниченной субстандартной сферы употребления, но впоследствии перешедшими в общий обиход (с семантической, экспрессивно-стилистической или людической трансформацией). В русистике используются и иные термины обозначения для сленга: общий жаргон [1], жаргонизированная разговорная речь [2], жаргонизированное просторечие [3], открытое арго [4].

Карнавал рассматривается как особое социокультурное явление, которое основано на временном выходе индивида из своей привычной социальной роли, а точнее, на временной мене или смешении этих самых социальных ролей или мировоззренческих приоритетов. Основанное на противопоставлении двух миров (высокого и низкого, серьезного и смешного, будничного и праздничного, старого и нового) карнавальное мировосприятие находит свое выражение:

– в низвержении, осмеянии, пародировании всего серьезного, официального и привычного и, наоборот, возвышении неофициального, смешного, низкого или нового;

– в смешении высокого и низкого, серьезного и смешного, нормативного и ненормативного;

– во временном выходе за пределы нормы – этической, поведенческой, языковой и др.;

– в игровом маскировании, которое в широком смысле понимается как переодевание, ряжение, перелицовка самого разного рода, в том числе и речевое;

Исходным тезисом наших рассуждений о языковом карнавале является предположение о единстве путей и механизмов разгерметизации арго и того вокабуляра, который был связан с древнейшими, существовавшими ещё при родоплеменном строе, фаллическими культами и впоследствии ставшими основой инвективного лексикона. Протекающие в разное время и в разных социально-исторических условиях эти процессы, тем не менее, обнаруживают черты сходства, которое обусловлено, на наш взгляд, карнавальной сущностью процесса языковой разгерметизации в целом.

Действительно, ещё на стадии герметичного существования арго и фалло-культовый вокабуляр (будем так его условно называть) оказываются весьма схожими как с точки зрения их функционирования в социуме, так и собственно языковых процессов, в них протекающих.

Существование герметичных языковых систем характерно для социумов, находящихся на достаточно низких стадиях социально-экономического, этического и языкового развития. Эти сообщества изолированы и противопоставлены другим социумам, они вынуждены вести натуральное хозяйство, заниматься самообеспечением, вести борьбу за существование в агрессивной, враждебно настроенной по отношению к ним среде. Для родо-племенных сообществ, исповедующих древнейшие фаллические культы, враждебной было ещё не исследованная и не приручённая дикая природа, а также соседние племена, всегда готовые в борьбе за существование разорить, уничтожить, ассимилировать, поглотить их – причём не только в переносном, но и в прямом смысле (если иметь в виду гастрономические пристрастия каннибалов Полинезии и Океании). Для русских ремесленников-отходников, офеней и прочих носителей цеховых, производственных арго такого рода агрессивной средой становится конкурентное окружение, в котором они оказываются в погоне за прибылью. Для антисоциальных же элементов, носителей воровского арго, враждебным окружением становится государство с его карательной системой и общество законопослушных граждан, обывателей, «фраеров», в большинстве своем нетолерантно настроенных по отношению к преступному сообществу.

В условиях агрессивного окружения и постоянной борьбы за выживание в этих закрытых сообществах формируется особая социальная организация, основанная на жесткой, даже жестокой иерархии и диктате силы. Иными словами, и в первобытном племени, и в преступном сообществе устанавливается четкое противопоставление сильнейшего – в о ж д я (в арго он же *авторитет, блатарь, бугор, вор в законе, деловой, князь, козырный, мастер, маститый*) [5, 6], которому достается большая часть благ, и слабейшего – п л е б с а (в арго это *шестёрка*, *шнурок*, *василёк*, *холоп*, *поддувало*) [5, 6], которому достается меньшая часть. Подобная антигуманная социальная организация, основанная на чётком силовом противостоянии, характеризует сообщество, стоящее на низших ступенях развития.

Для носителей герметических языковых комплексов характерно отсутствие или отказ от этических норм. Специалисты по истории этики утверждают, что «в самых ранних культурных периодах (например, в первобытном обществе) люди ещё не выделяли морально-этические нормы; этика здесь ярче всего соотносится с понятием обычая, укоренившейся привычки, общепринятым ритуалом, которые отражают принадлежность человека к единой для членов племени ценностной системы» [7, с. 8]. А для преступного сообщества такого рода ритуальной скрижалью становится пресловутый воровской закон, построенный на низвержении и юридических, и этических норм поведения. Проще говоря, в сообществе, живущем по закону волчьей стаи и ведущей борьбу за выживание, этические постулаты типа «Не убий», «Не укради», «Не прелюбодействуй» не действуют.

Что же касается характеристики самих герметических языковых комплексов, то необходимо указать, во-первых, на их четкую гендерную детерминированность, во-вторых, на преобладание в них магической, заклинательной функции.

Герметические языковые комплексы (в частности, фалло-культовый вокабуляр и арго) принадлежат мужчинам и отражает маскулинное мировосприятие, на что указывает множество фактов как экстралингвистических, так и собственно языковых. Так, рассматривая историю инвективного вокабуляра, В.И. Жельвис указывает на существование, например, у первобытного племени тонга в Полинезия специального языка капе-капе, «вокабуляр которого… мало отличается от обычного непристойного набора европейских языков». Этот язык использовался на т а й н ы х (разрядка наша. – *В.С.*) исключительно м у ж с к и х (разрядка наша. – *В.С.*) вечеринках [8, с. 22–23]. Об этом же говорит и Б.А. Успенский: «Матерщина воспринимается как черта мужского поведения, причём иногда она считается возможной только в мужском обществе» [9, с. 78]. Схожую точку зрения высказывает и С.Б. Адонина, когда говорит о том,

что частушки «с картинками» поют преимущественно мужчины, а женщины не поют – такова традиция [10, с. 186–190].

О маскулинном характере тайных языков говорят исследователи профессиональных арго. В частности, описывая профессиональное арго костромских шерстобитов, А.В. Громов, опираясь на высказывание информанта, заявляет, что женщины профессионального языка не знали, только мужчины [11, с. 13]. Подтверждает маскулинный характер герметического арго лексико-семантический и контент-анализ словаря блатной фени. В арго представлены тысячи слов, отражающих маскулинную модель (стереотип) поведения: драка, драться (*месиловка*, *мясорубка*, *коцать*, *гасить*, *бузовать*), насиловать (*жмокнуть*, *отдрючить*, *отхарить*, *поставить на хор*), совокупляться (*вздрючить*, *засадить*, *отпарить*, *поиметь*), пить спиртное (*бухать*, *кирять*, *газовать*, *гужевать*) [6]. Однако при этом отсутствуют слова, отражающие понятия заботы, нежности, привязанности, любви и другие, традиционно связываемые с фемининной моделью поведения.

Главный же довод в пользу маскулинного характера воровского арго состоит в том, что в нём представлено несколько сотен слов для обозначения женщины как сексуального объекта (*баруха*, *вставочка*, *дрючка*, *дырка*, *соска*, *шалашовка*, *факуша*), однако ни одного для обозначения мужчины как сексуального объекта (гомосексуальные отношения в расчёт не берём, поскольку они представляют собой извращенный и часто вынужденный фемининный субститут). Эта особенность арготического лексикона однозначно указывает на творца и носителя воровского языка – именно мужчину, выступающего в своей природной сексуальной роли[1].

Говоря о магической стороне герметического вокабуляра, явившегося основой современного инвективного лексикона, необходимо вспомнить, что первоначально он обслуживал древнейшие фаллические культы, связанные с почитанием матери-земли. Как пишет В.И. Жельвис, «для человека, выросшего в условиях первобытных культов, многочисленные понятия, связанные с… отправлением естественных потребностей, совокуплением, зачатием, родами и т. д. суть лишь явления непрерывной цепи священных, сакральных действий» [8, с. 24] Соответственно, лексика, обслуживающая эти культы и связанная со священной (в представлении первобытного человека) физиологией, также становилась сакральной, то есть наделённой особым заклинательным смыслом и магической агентивностью (силой воздействия). Так, Б.А. Успенский прямо заявляет, что «матерная ругань восходит к языческих молитвам или заговорам, заклинаниям» [9, с. 79]. Культовое слово непосредственно связывалось с предметом или с действием, его профанное употребление могло нанести непоправимый вред, поэтому оно тщательно оберегалось от использования непосвященными, на него накладывалось табу – так и формировался герметичный словесный комплекс. Иными словами, герметичность языковой системы есть одно из ярких проявлений магической функции языка, столь характерной для сообществ, находящихся на низших стадиях своего развития.

Схожие особенности действия магической функции наблюдаются и в арго. Так, Д.С. Лихачёв в своей статье с красноречивым названием «Черты первобытного примитивизма воровской речи» [12] выделяют следующие черты воровского арго, в которых он усматривает реализацию этой функции:

1) агентивная направленность слова, в т. ч. бранного (слово-действие, точнее, воздействие);

2) заклинательная направленность воровской божбы (слово-молитва);

3) непосредственное отождествление предмета и слова (слово-предмет);

4) эмоциональная, а не интеллектуальная направленность слова (слово-восклицание);

5) тотемный характер воровских прозвищ;

6) корпоративная маркированность воровской речи (слово-маркер);

7) табуированность и эвфеминизированность многих понятий, связанных с воровским ремеслом;

8) высокая экспрессивность арготизма (слово-эмоция);

9) патетичность, возвышенность воровской речи.

Последние две черты существенно важны для понимания характера экспрессии закрытого словесного комплекса: слова в нём высоко эмоциональны и патетически возвышенны (позитивны). Отсутствие этих качеств приводит к тому, что словесный комплекс в процессе разгерметизации не трансформируется, приобретая новое качество, а просто уходит в небытие. Именно это и произошло с профессиональными, цеховыми арго, которые, по утверждению В.Д. Бондалетова, на 95% состояли из слов нейтральных, экспрессивно не окрашенных [13, с. 47].

Столь подробное описание условий герметического докарнавального существования культового вокабуляра и арго обусловлено по-

пыткой установить отношения противопоставления между закрытыми и открытыми словесными комплексами на диахроническом уровне. Мы хотим сказать, что в процессе разрушения закрытого языкового комплекса черты его меняются на прямо противоположные в полном соответствии с карнавальным мировосприятием. Иными словами, карнавал начинается тогда, когда разрушается герметичность языкового варианта.

Разрушение герметичных языковых комплексов проходило под воздействием мощных социально-экономических и этических факторов. Во-первых, необходимость в средствах эзотерического общения постепенно отпадала в условиях оптимизирующейся, теряющей свою былую враждебность внешней среды. Для носителей древнейшего фалло-культового вокабуляра эта оптимизация стала следствием, со одной стороны, освоения и подчинения природы и утраты священного страха перед стихией, с другой – развития и укрепления межродовых связей, что приводило к конвергенции племен, к формированию и укрупнению племенных союзов и в конечном итоге – к созданию этносов.

Для носителей воровского арго оптимизация внешней среды стала результатом развития партнерских отношений между преступным миром и государством в 20–50-е годы, которые возникли на основе единства в борьбе против *контриков* – осужденных за контрреволюционную и антисоветскую деятельность. Теоретическое обоснование этому явлению можно найти в работе В. Чалидзе «Уголовная Россия» [14, с. 115–122], а художественное описание – например, в «Колымских рассказах» В. Шаламова [15]. В последнее десятилетие XX века оптимизация внешней среды для преступного сообщества проходила под знаком сращения криминалитета с капиталом и государственной или муниципальной властью, что стало одной из негативных примет новейшей российской истории.

Процесс разгерметизации вокабуляра, связанного с языческими фаллическими культами, сопровождался кардинальной этической трансформацией, которая произошла после принятия и утверждения христианства. Сакральные культовые понятия были полностью низложены, а слова, связанные с телесным низом, ранее священные, стали запретными, неприличными; их употребление каралось христианским этическим законом.

Под запретом находилась и лексика арго, поскольку она отражала этические представления преступного мира. Подобно тому, что употребление матерного слова, согласно христианской этике, открывало путь дьяволу в душу человека, арготическая лексики считалась проводником воровской, антисоциальной идеологии в сознание законопослушного носителя языка. Вообще, мотивы з а п р е т а и его нарушения чрезвычайно важны для понимания карнавальной сущности современного субстандартного речевого поведения.

Собственно разгерметизация выразилась в количественном расширении контингента носителей некогда закрытого вокабуляра, в переходе большого количества слов в общий обиход. В качественном отношении разгерметизация проявляется в п р о ф а н и з а ц и и. Как считает большинство исследователей, профанизация герметичного языкового комплекса состоит в том, что соответствующий лексикон употребляют люди, не знающие первоначального сакрального смысла слов, причем в сниженном, смеховом контексте. Иными словами, профанизация определяет кардинальную оценочно-стилистическую трансформацию эзотерического слова, его снижение, низвержение в речевой низ, его осмеяние. Говоря о профанизации воровского арго, Д.С. Лихачёв замечает: «Воровские слова употребляются как снижающие речь, как озорные только в среде, не занимающейся профессиональным воровством. Употребление воровского слова для снижения, вульгаризации своей речи доказывает, что говорящий не принадлежит к воровской среде». [12, с. 369]

Таким образом, в процессе разгерметизации фалло-культовый и арготический лексиконы становятся неприличными, запретными, превращаются в средство сниженной смеховой характеристики.

Разгерметизация и сопутствующая ей профанизация выражается, кроме всего прочего, в освоении эзотерического лексикона женщинами[2] и детьми. Интересно исследование поджанра женской матерной частушки, которое было проведено С.Б. Адоньевой. В этом поджанре сочетаются мотивы з а п р е т а и его нарушения, смехового с н и ж е н и я и речевого м а с к и р о в а н и я. Эти три мотива чрезвычайно важны для понимания карнавальной сущности разгерметизации. Исполняя мужскую матерную частушку, женщина сознательно отступает от своей гендерной роли, нарушает общепринятые нормы и при этом протестует против социально признанного мужского доминирования. Женщина как бы надевает речевую маску мужчины, и эта маска вызывает смех [10, с. 187].

Б.А. Успенский приводит многочисленные свидетельства того, как в русских селениях детей обучают матерщине, что свидетельствует о

разгерметизации мужского лексикона [9]. Вообще, в процессе профанизации закрытого словесного комплекса роль детей, подростков, молодёжи чрезвычайно важна, поскольку они привносят в этот процесс элемент и г р ы , существенно важный для понимания карнавального мировоззрения. Молодёжь, с одной стороны, подвержена действию множества запретов со стороны старшего поколения. С другой стороны, в ней бушует могучая творческая энергия и неизрасходованное либидо, которые требуют своего выхода. Таким выходом (сублимацией) становится употребление вульгарных запретных арготических слов, обладающих мощным экспрессивно-оценочным потенциалом. Переходя на воровское арго, молодой человек временно выходит за рамки привычной социальной роли и как бы надевает речевую маску лихого разбойника, которому все нипочём: – ни родительские запреты, ни школьные требования. Показательно в плане понимания карнавальной сущности профанизации арго замечание тонкого ценителя языкового вкуса эпохи Е.Д. Поливанова, сделанное им в начале 30-х гг., как раз в то время, когда арго активно теряло свою герметичность, отдавая свои словесные запасы нарождающемуся сленгу. Так вот, исследователь замечает, что употребляя арготизм в своей среде, молодой человек как бы говорит, что «оба мы с тобой хулиганы, или, вернее, и г р а е м (разрядка наша. – *В.С.*) в хулиганов» [16, с. 163].

Именно вовлечённость арготизма в карнавальную игру с участием ряженых персонажей способствует тому, что оно подвергается кардинальной лексической, семантической и деривационной трансформации в соответствии с потребностями игры. Например, хорошо известный арготизм *лох* в речи молодёжи подвергается таким игровым трансформациям, которые были невозможны в воровской речи: *лоховоз, лохотрон, лошара, лохушка, лоходром, лохня, лохопед, лошбарик, лошпан, лохан, лошина, лошок, лохорез, лохарня, лохнесс, лохнезия* [17, с. 227–230; 18, с. 357–358]. В этом смысле именно молодёжь следует считать пионерами сленга. Пройдя через сито молодёжной речи, через молодежный жаргон, арготизмы теряют криминальную специализацию, при этом расширяется их семантика и словообразовательное гнездо. Однако экспрессивное и оценочное содержание арготизма сохраняется. Именно так можно представить механизм формирования русского сленга, который начал складываться в 20–50-е годы в результате карнавальной разгерметизации арго.

Обобщая всё сказанное, можно отметить, что арго как закрытый словесный комплекс не только служит сокрытию смысла высказывания от непосвященных, но и отражает этическую модель малоразвитого социума, иерархия в котором строится на диктате силы, а также воплощает маскулинную модель поведения. Сленг как отрытый словесный комплекс начинается тогда, когда экспрессивно-пафосное арготическое слово превращается в словесную забаву, языковую игру, которая, с одной стороны, служит средством выражения эмоции, оценки, причем сниженной, реализации творческого начала индивида, а с другой стороны, не преследует каких-либо глобальных суггестивных, магических или номинативных целей. То есть бывший арготизм в сленге теряет свою агентивную направленность, становясь орудием словесной игры и выражения экспрессии. В этом смысле в сленге находит своё отражение депрециативная модель мировосприятия, основанная на стремлении индивида выразить свое иронично-критическое отношение к окружающему миру, выставить в перевёрнуто-карнавальном виде всё то, что достойно осмеяния. Таким образом, homo agens[3] в арго превращается в homo ludens[4] в сленге.

Примечания

1. Более подробный анализ гендерных приоритетов в арго содержится в работе Н.Н. Шарандиной [19].
2. Эту особенность подметил сатирик Михаил Жванецкий, который когда-то сказал: «Когда матерным языком овладели женщины, он стал всеобщим».
3. Человек действующий (лат.).
4. Человек играющий (лат.).

Список литературы

1. Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь общего жаргона / Под общ. руководством Р.И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999. 320 с.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 720 с.
3. Скворцов Л.И. Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов (на материале русской лексики послеоктябрьского периода): Дис. … канд. филол. наук. М., 1966. 486 с.
4. Елистратов В.С. Арго и культура // Словарь московского арго. М.: Русские словари, 1994. С. 592–674.
5. Грачёв М.А. Словарь тысячелетнего русского арго. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 1120 с.
6. Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. М.: Кампана, 1997.
7. Егоршин А.П., Распопов В.П., Шашкова. Этика деловых отношений. М.: НИМБ, 2008. 397 с.

8. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 2001. 350 с.

9. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные труды. Т. 2. М.: Гнозис, 1994. С. 53–128.

10. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 312 с.

11. Громов А.В. Жгонский язык. М.: Энциклопедия русских деревень, 2000. 126 с.

12. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Одинцово: Края Москвы, 1992. С. 354–398.

13. Бондалетов В.Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Вып. 1. Условные языки как особый тип социальных диалектов. Рязань: Изд-во РГПИ, 1974. 109 с.

14. Чалидзе В. Уголовная Россия. М.: Терра, 1990. 400 с.

15. Шаламов В.Т. Колымские рассказы // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Вагриус; Худож. лит. С. 7–180.

16. Поливанов Е.Д. О блатном языке учащихся и «славянском» языке революции // За марксистское языкознание. М., 1931. С. 161–172.

17. Максимов Б.Б. Фильтруй базар: Словарь молодёжного жаргона г. Магнитогорска. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 506 с.

18. Никитина Т.Г. Молодёжный сленг. М.: Изд-во «Астрель»; Изд-во АСТ, 2003. 912 с.

19. Шарандина Н.Н. Отношение к женщине через арготическое слово в уголовной среде // Социальные варианты языка. Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. С. 128–130.

CARNIVAL OPENING OF ARGOT AS A PRECONDITION FOR SLANG FORMATION

V.A. Salyaev

The article reflects some peculiarities of closed verbal complexes, in particular, argot and cult vocabularies, which provided the basis for obscene lexicon. The author analyzes the ethical, culturological and linguistic factors that contributed to the carnival opening of argot, which led to the qualitative transformation of the substandard colloquial language and to the formation of slang as an open verbal complex.

Keywords: sociolinguistics, social dialects, argot, slang, jargon, substandard colloquial language, obscene vocabulary, carnival.